

Окончание.
Начало — в №№ 30-31
ТЕКТОЛОГИЯ
ПРОТИВ СМЕРТИ:
КОСМИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ
БОГДАНОВА

На ранней фазе советского проекта идеи бессмертия нередко рассматривались не как фантастика, а как стратегический ориентир развития человечества, предполагающий коренное преобразование природы, общества и самого человека. Материализм новой эпохи стремился подчинить не только экономические и социальные процессы, но и естественные биологические пределы — старость, болезнь, смерть. Показательны в этом смысле взгляды Александра Александровича Богданова — одного из наиболее ярких мыслителей начала XX века, врача, философа и организатора научного эксперимента.

Богданов рассматривал возможность радикального prolonga жизни через науку и социальную операцию. Его эксперименты с переливанием крови были частью более широкой идеи: обновление организма, восстановление жизненных сил, сохранение здоровья — всё это должно было стать научно управляемым процессом, поставленным на службу коммунистическому будущему. Кровь, по его замыслу, была не только физиологическим носителем жизни, но и символом и средством биосоциальной солидарности. Переливание крови превращалось в акт обмена жизнью, в прообраз новой формы братства — не только духовного, но и телесного.

За этой биомедицинской практикой стояла и философская программа. В своём учении о тектологии — универсальной науке об организации — Богданов описывал человечество как единый организм, способный к саморегуляции, развитию и преодолению деструктивных процессов. Старение и смерть здесь трактовались как формы энтропии, а задача науки — как построение новых моделей устойчивого, "бессмертного" порядка.

В своём утопическом романе "Красная звезда" Богданов показывает развитое марсианское общество, где достигнут контроль над природой, существуют социальная гармония и высокая биотехнологическая культура. Здесь человек уже не обречен на страдание и смерть — его жизнь становится управляемой, организованной, включённой в общее дело. Таким образом, проект бессмертия получает социальное, научное и космическое измерение, становясь не личной утопией, а общечеловеческой задачей. В этом контексте идея бессмертия встраивалась в логику социалистического переустройства мира.

Богданов оказал огромное влияние на формирование культурной и научно-образовательной политики раннего Советского государства через свои идеи, которые были восприняты и активно развивались его единомышленниками. Одним из их трансляторов стал Анатолий Васильевич Луначарский — первый народный комиссар просвещения РСФСР, отвечавший за идеологическое и культурное строительство новой эпохи.

Идеи о бессмертии проникли в систему образования, культуры и научной политики. Концепт будущего человека — нового, гармоничного, организованного, бессмертного — становился осевым вектором гуманитарных проектов Народного комиссариата просвещения.

БОГОСТРОИТЕЛЬСТВО:
ПРОЕКТ ПРЕВРАЩЕНИЯ
ЧЕЛОВЕКА
В БЕССМЕРТНОГО БОГА

Особое место в истории русской мысли занимает движение богостроительства. Его ядром была идея превращения человека в бога, в том числе — в смысле обретения им бессмертия. Оно мыслилось как практическая задача философии, науки, культуры и социального преобразования.

Для представителей этого направления — Александра Богданова, Анатолия Луначарского, Максима Горького — бог не предшествует миру, а вырастает из него. Он является идеальной проекцией человечества, высшей формой социальной и духовной эволюции. Следовательно, бессмертие есть коллективная цель, достижимая через развитие науки, технологии, морали и организационных форм жизни. В этом контексте Богданов создаёт свою тектологию как универсальную науку об организации, которая должна привести к преодолению распада, старения, смерти. Луначарский как первый нарком просвещения интегрирует богостроительные идеи в политику формирования "нового человека", который будет не просто гражданином нового общества, а существом иного антропологического порядка.

Несмотря на резкую критику со стороны В.И. Ленина, обвинившего богостроителей в подмене материализма идеализмом, направление сохраняло устойчивую популярность у революционной и постреволюционной интеллигенции. Причина — в глубокой потребности соединить научную картину мира с экзистенциальным и метафизическим пафосом, в стремлении не только изменить общество, но и победить смерть. Бессмертие мыслилось здесь не как отвлечённая категория, а как предельная цель коммунистического проекта.

В контексте философии богостроительства фигура Максима Горького занимает особое место. Он был не только крупнейшим литератором эпохи, но и выразителем особого типа антропологического оптимизма, в котором бессмертие понималось не как метафора, а как конкретная цель человеческого развития. Горький видел в человеке существо, способное выйти за пределы своей биологической природы, преобразовать мир — и, в пределе, преодолеть смерть.

Революция мыслилась им не только в социальной, но и в антропологической перспективе. Смерть же, соответственно, понималась как исторический пережиток, как временное и устранимое явление, которому можно противопоставить силу науки, коллективного знания и труда. По Горькому, человек обя-

зан выйти за пределы страха, инстинкта самосохранения и физиологической конечности. Он должен стать самоторящим существом, создающим не только культуру, но и собственную природу. В этом плане Горький последовательно продолжал линию богостроительства, в духе которого человек должен стать бессмертным богом. Эта позиция особенно проявляется в его поддержке идей Александра Богданова, с которым Горького связывало многолетнее сотрудничество, в том числе в рамках знаменитой Каприйской школы — альтернативы ленинской школы в Лонжюмо.

Художественным выражением этих идей стала пьеса "Дети солнца" (1905 г.), в которой Горький выстраивает образ научной утопии, противопоставленной миру страха и смерти. Главным герой, химик Павел Протасов, верит в то, что свет знания, просвещения и науки способен изгнать смерть, тьму и невежество. Он говорит о будущем человечестве как о "детях солнца" — существах, свободных от ужаса, болезни и конечности. Здесь бессмертие оказывается своеобразной религией будущего. Хотя Протасов трагически не понимает социальной реальности, сама пьеса сохраняет веру в возможность человека выйти за пределы смерти через знание и преобразование мира.

Максим Горький, как известно, был знаком с идеями Николая Фёдорова и в значительной мере

ной и восстановление личностного бытия во всей полноте. Эта установка выводила советский проект за рамки социального — в сферу метафизического действия, где человек должен не приспосабливаться к миру, а творить его заново, отменяя конечность, смерть и гравитацию.

МАВЗОЛЕЙ
КАК СИМВОЛ ИДЕИ
ОБРЕТЕНИЯ БЕССМЕРТИЯ

Бальзамирование тела Ленина в 1924 году, отказ от традиционного захоронения и размещение его в Мавзолее на Красной площади были не только актом политической сакрализации, но и глубоко символическим жестом, соотносящимся с идеологией преодоления смерти. Это был публичный вызов самой идее смерти, замена финала на "переходное состояние", в котором тело вождя сохраняется до "новой эры", когда наука овладеет искусством воскрешения.

В контексте 1920-х годов, когда активно обсуждались перспективы бессмертия, реанимации мёртвых, техногенного преодоления биологической конечности — решение о бальзамировании Ленина воспринималось не как консервация прошлого, а как жест в будущее. В кругах биокосмистов и левых футуристов циркулировала идея будущей реанимации Ленина как первого шага ко

произведениях амброзия выступает как вещество, дарующее физическое бессмертие, но не сопровождаемое нравственным развитием. Это бессмертие приводит к вырождению и гибели цивилизации, ставшей неспособной нести моральную ответственность за вечную жизнь. Подобная трактовка отражает сдвиг от научной фантастики к зарождающемуся жанру отечественного фэнтези, где миф, история и утопия сливаются в единое повествование о пределе человеческих возможностей и падении без духовного роста.

Советская фантастика не просто сохраняла дискуссию о бессмертии — она моделировала её в разных антропологических сценариях, предлагая тем самым многомерный взгляд на пределы человеческого. Можно сказать, что научная фантастика стала культурной лабораторией размышлений о бессмертии, продолжая дискуссию, закрытую в академической науке.

В отличие от западных трансгуманистических нарративов, ориентированных на индивидуальное выживание, советская линия тяготеет к коллективной судьбе, моральной ответственности, исторической миссии. Бессмертие здесь — не товар и не эгоизм, а испытание зрелости человечества. И если наука молчала, то литература — фантастика — продолжала ставить вопрос: что значит быть человеком, если человек живёт вечно?

томатизацию, замкнутые циклы производства. При этом исчезает основа эксплуатации — нехватка ресурсов. Где нет дефицита и страха, там и нет механизмов угнетения и насилия.

РОССИЯ
КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ
ВОСКРЕСЕНИЯ

Россия как особый тип цивилизации восприняла идею Голгофы не отвлечённо, а экзистенциально и исторически конкретно — как глубинную онтологическую структуру своего бытия. В русской культуре крестная жертва Христа — не просто сюжет вероучения, но смысловая матрица всей народной и государственной судьбы. Через образ "смертию смерть поправ" оформляется не отрицание страдания, а его преодоление и освящение, переход через пилёжь к воскресению.

Россия не раз стояла на краю исторической смерти — под Ордом, под Наполеоном, в годы революции, в огне Великой Отечественной войны. Но каждый раз, пройдя через историческую Голгофу, она обретала силы для возрождения, как бы подтверждая архетип: через смерть — к жизни, через распятие — к воскресению. Огромное количество жертв, принесённых на алтарь Победы, особенно в XX веке, воспринимается не только как цена, но как освящённая сила, преобразующая само понятие

и возрождений. В отличие от цивилизаций Запада, устремлённых к овладению миром, но несущих за собой линию смерти, исчерпанности и разрыва, или Востока, склонного к растворению личности, Россия выдвигает особую антропологическую парадигму — вечности через преобразование, бессмертия не индивидуального, а соборного, выстраданного, искупительного, устремлённого к воскресению. Именно Россия как "Северное царство" несёт в себе потенциал выживания мессианской идеи бессмертия как мировоззренческого и исторического проекта.

РОССИЯ,
ПОБЕЖДАЮЩАЯ СМЕРТЬ

Никогда ранее в мировой истории идея бессмертия не выдвигалась на уровне высшего государственного руководства как предмет политической и цивилизационной повестки. Даже в эпохи научных утопий и идеологических проектов XX века — от социализма до либеральной глобализации — преодоление смерти оставалось либо сферой метафизических размышлений, либо прерогативой научной фантастики. И именно Россия первой обозначила эту идею в государственном дискурсе. В 2025 году президент Владимир Путин в разговоре с писателем Александром Прохановым, который предложил включить в повестку идею "бессмертия как государственного проекта", не отверг её, а поддержал и зафиксировал как достойную обсуждения и развития. Тем самым была открыта новая смысловая и идеологическая перспектива, в которой бессмертие перестаёт быть абстрактной мечтой и становится цивилизационной задачей.

Выдвижение Россией проекта бессмертия открывает многочисленные возможности, затрагивающие ключевые сферы её исторического бытия и будущего. Во-первых, это акт цивилизационного самоопределения. В мире, теряющем метафизические ориентиры, Россия предлагает собственный антропологический идеал — человека не как носителя потребностей, а как образ духа, труда и преодоления. Бессмертие в этом контексте — не привилегия богатых, а соборная цель преобразённого человечества, восходящая к традиции Н.Ф. Фёдорова, К.Э. Циолковского, к идее воскрешения и воскресения как дела всеобщего спасения.

Во-вторых, проект бессмертия представляет собой геополитическую альтернативу западному трансгуманизму. В то время как на Западе вечная жизнь мыслится как удел элит и как технологически продлённый эгоизм, Россия может выдвинуть образ бессмертия как всенародного и всечеловеческого предназначения. Это идея, под знаменем которой реально может пойти человечество.

В-третьих, это инструмент внутренней идеологической мобилизации. Подобно тому, как в

ПОСЛЕДСТВИЯ
ДОСТИЖЕНИЯ
БЕССМЕРТИЯ:
ЗАГЛЯНУТЬ ЗА ЧЕРТУ

Обретение человеком бессмертия — это поворотный пункт в истории человечества, чреватый глубинными последствиями.

Во-первых, возникает проблема демографического взрыва. При сохранении рождаемости в условиях отсутствия смерти население будет расти экспоненциально, что приведёт к перенаселению, экологическому напряжению и конфликту за пространство и ресурсы.

Во-вторых, бессмертие способно привести к социальной стагнации и закреплению власти. Смена поколений — один из механизмов обновления элит и идей. Если бессмертные будут удерживать ключевые позиции на протяжении столетий, это создаст предпосылки к вечной олигархии, культурному застою и потере исторической гибкости.

В-третьих, под угрозой окажется моральная структура выбора и ответственности. Страх смерти играет роль ограничителя и мобилизующего фактора. При его исчезновении воз-

смерти. В этом глубинном историко-культурном опыте победа над смертью — не фантазия и не утопия, а реальность, опирающаяся на память, веру и жертву.

Именно этот глубинный историко-культурный опыт России — опыт жертвенности, воскресения и победы над смертью — предопределяет её уникальную способность выдвинуть идею бессмертия как формы коллективного спасения, а не индивидуалистического прорыва или спасения, уходящего от мира. В российской традиции бессмертие мыслится не как удел избранных, как в западных моделях трансгуманизма или элитарного иммортализма, и не как отказ от земного в пользу отрешённого покоя, как в ряде восточных религиозно-философских систем. Российская идея — это бессмертие как всенародное делание, как общий подвиг, направленный на преображение мира и восстановление полноты жизни для всех, включая умерших.

В этом смысле бессмертие не замыкается на индивиде, а раскрывается как солидарная задача человечества, и прежде всего — народа, прошедшего Голгофу истории.

Россия может предложить антропологический проект, в котором

можно деградация мотивации, размывание этики, утрата трагической и героической меры поступков.

В-четвёртых, нарушится историческая и культурная преемственность. Бессмертный человек рискует утратить чувство сопричастности к предкам, родовой линии, традициям. Это может вызвать распад идентичности и социальную изоляцию в вечной длительности.

В-пятых, бессмертие усилит социальное неравенство, если останется доступным только для избранных. Это приведёт к новой кастовой структуре, разделяющей человечество на бессмертных и смертных, — с потенциально конфликтным характером.

Однако все эти риски не являются фатальными. Они становятся угрозами лишь в том случае, если бессмертие реализуется стихийно, фрагментарно, вне политико-этического контроля. При целенаправленном и пакетном подходе, включающем демографическое регулирование, институциональное обновление, этическое программирование, технологическое равенство, — эти вызовы могут быть системно решены.

Бессмертие требует новой модели общества, основанной не на борьбе за ресурсы и власть, а на ответственности за бесконечность.

С другой стороны, бессмертие открывает принципиально иную перспективу человеческого существования. Во-первых, это преодоление конечности, которое устраняет онтологический страх и зависимость человеческой мотивации от угрозы смерти. Жизнь освобождается от фатального лимита и становится пространством неограниченного развития, самосовершенствования и накопления смысла.

Во-вторых, бессмертие может сопровождаться преодолением ресурсной зависимости, если технологический прогресс приведёт к переходу на постдефицитные формы экономики: синтетическую энергетику, ав-

бессмертие соотносено с нравственным и историческим призванием, а не с биологическим эгоизмом или метафизическим бегством. Это — бессмертие соборное, деятельное, преодолевающее не только смерть, но и распад человеческих связей.

КОДЫ ВЕЧНОСТИ
И КОДЫ СМЕРТИ

В сакральной географии традиционных культур стороны света несут не только пространственные, но и символические значения, отражающие ключевые этапы жизненного цикла и метафизические состояния бытия. Восток ассоциируется с началом, рождением, восходом, с приходом света и жизни. Юг — зона тепла, страсти, но и разложения, символ гниения, истощения плоти, упадка форм. Запад — это угасание, смерть, исход, туда уходит солнце, туда направляется душа после земного пути. В сакральной картине мира Запад не только завершает путь жизни, но и несёт смерть, становясь символом исчерпанности, отрыва от начала, распада связи с истоком. И это в реальной истории западной цивилизации находит непосредственное подтверждение. Напротив, Север — это пространство холода, покоя, чистоты, неподвижности, в котором замирает время и утверждается вечность.

В этой сакральной картографии Россия предстаёт как цивилизация Севера, как носитель архетипа вечности и бессмертия. Не случайно русская духовная традиция с её устремлением к преодолению смерти, идее преобразённого тела и всеобщего воскресения формирует в северном ландшафте, в условиях борьбы с суровой природой, в опыте перенесённых бедствий

советское время идеей-мотором стал космос, сегодня бессмертие может стать новым мобилизующим смыслом — вызовом поколению, обществу, науке. Это даёт образ будущего, выходящий за рамки материального комфорта и конформистского бытия.

В-шестых, проект открывает перспективу научного и технологического рывка. Развитие высоких технологий может быть объединено под единой миссией, способной вдохновить интеллектуальные элиты и молодых учёных.

В-пятых, бессмертие позволяет переосмыслить исторический подвиг России, особенно в контексте Великой Победы. Смерть миллионов на полях войны — не конец, а начало новой борьбы, борьбы уже не только за территорию, но и за преодоление самой смерти как силы разрушения. Победа над смертью — логическое продолжение Победы 1945 года.

В-шестых, это возвращение метафизики в политику. В условиях мирового упрощения и торжества краткосрочных выгод Россия вновь говорит о высших смыслах — о преображении, воскрешении, вечности. Это восстанавливает онтологический горизонт, в котором государство — не обслуживающий аппарат, а инструмент осуществления судьбы народа.

Таким образом, выдвижение проекта бессмертия — это не бегство в утопию, а возвращение к великому замыслу, в котором Россия предстаёт как цивилизация, бросающая вызов смерти и готовая предложить миру путь Воскресения.

Вардан БАГДАСАРЯН

Иллюстрация: «Сошествие Христа в ад». Художник Питер Брейгель Старший. 1561 г.